

Я, ДИМИТЕР ГЕОРГИЕВ ВАСИЛЕВ...

Юрганов Олег

С первых же минут встречи, я удивился странному акценту, хотя мой собеседник говорил на русском очень хорошо. Позже узнаю, что родился он в Болгарии, в Софии. Немного удивился – наша иммиграция в Балтиморе оказывается, представлена и бывшим гражданином «шестнадцатой республики», как в шутку называли

НРБ в Советском Союзе.

Моему собеседнику – 80 лет и вряд ли бы мы с ним встретились, если бы не внимание моего сына – Бориса, который помогает Дмитрию избавиться от болей в спине.

– Он услышал мою фамилию и спросил, не родственник ли я Олегу Юрганову, статьи которого он читает в нашей газете «Каскад».

Так мы познакомились и, как оказалось, знакомство это подвигло меня на размышления о судьбе человека, разговор с которым убедил меня в том, что таланты личности,

«проклюнувшиеся» еще в юности, сила характера и природная любознательность могут надежно охранять разум человека от старения и деградации.

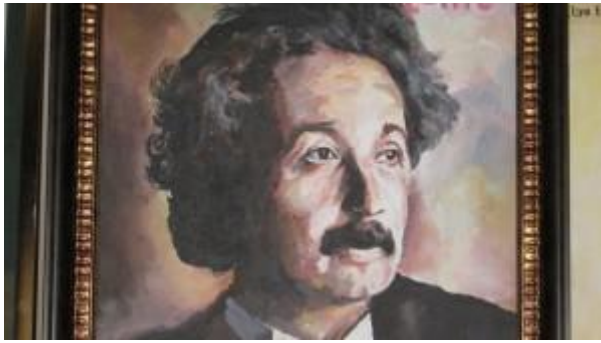
Едва я услышал краткую биографию Дмитрия Василева, стало ясно, что если верна истина, что человек – сам хозяин своей судьбы, – то это о нём.

Олег Юрганов: Расскажите, пожалуйста, о себе.

Дмитрий Василев: Я родился 2 января 1932 года в семье водителя автомобиля. После окончания гимназии учился в Медицинской

Академии, получил профессию врача-гинеколога и работал участковым врачом в Софии. В шестидесятых годах я стажировался по моей специальности в Лондоне, Росток (ГДР), Киеве и Москве. Защитил диссертацию и стал доктором медицинских наук. В конце шестидесятых – начале семидесятых работал 4 года акушером-гинекологом в Ливии, Эфиопии, где тогда шла ожесточённая гражданская война. В середине семидесятых вернулся в Болгарию и попытался создать Ассоциацию по внедрению научных методов планирования семьи. Мои идеи очень заинтересовали Всемирную Организацию Здравоохранения (ВОЗ), которая

направила меня в 45 стран мира 4-х континентов для пропаганды этих идей. С 1991 года живу в США, как иммигрант. У меня четверо детей. Все они – образованные,

самостоятельные люди. Моя нынешняя жена – Валентна Кофман – врач-терапевт, на пенсии.

– Я посетил вашу художественную выставку, здесь в Балтиморе, и был приятно удивлен сочностью красок и разнообразием изобразительных жанров. А когда, благодаря вашему гостеприимству, в вашем доме увидел графические работы, моё удивление сменилось нескрываемым восхищением! По-моему, в этих графических листах чувствуется рука настоящего мастера! Не случилось ли так, что ваш выбор медицинской профессии оказался не совсем точным, раз в живописи вы делаете такие серьезные успехи и по сию пору?

– Иногда судьба делает забавные зигзаги. Я очень хотел стать художником. Даже подавал документы в художественное училище, но...

– Обнаружились какие-то барьеры на пути к карьере художника?

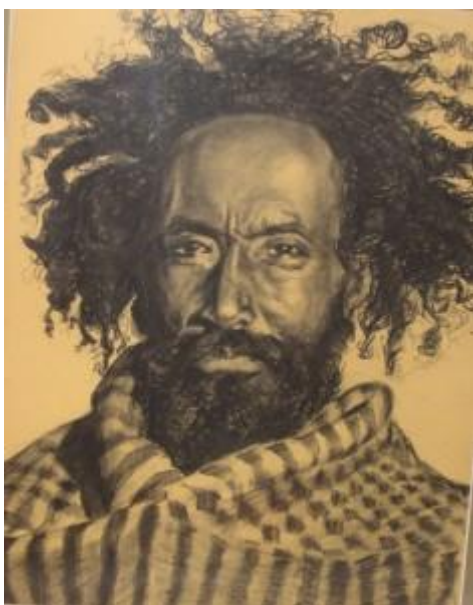
– Нет... Теперь можно признаться и то

со смехом! Ожидая экзамена, я прилёг на травку, неподалеку от здания училища, и... заснул мёртвым сном! Сколько я проспал, не знаю, однако на экзамен я безнадёжно опоздал и решил, раз уж так случилось, значит – не судьба!

– И?..

– Отправился в Медицинскую Академию, сдавать вступительные экзамены...

– А стремление рисовать? Как вы нашли компромисс между вашей весьма бурной профессиональной деятельностью и желанием рисовать?

– Не знаю, как мне это удалось, но компромисс между двумя «страстями» – медициной и рисованием оказался очень плодотворным. Рисовал я непрерывно. Везде, где был, как только выдавалась свободная минута. Помнится, сижу в Эфиопии, в провинции, охваченной гражданской войной, жду «амбуланс», чтобы поехать на вызов в глухую деревню, помочь заболевшей женщине. Единственная машина, ждать приходилось подолгу. Беру картон, уголь. В памяти всплывает облик местного аборигена. Рисую... Сколько прошло времени моего рисования-ожидания не знаю. Приезжает машина... Всё

бросаю, еду по вызову. Назавтра, смотрю – портрет почти готов...

– В вашей тогдашней походной жизни сохранить картины было, наверное, непросто?

– Конечно, что-то утрачено... Но большинство моих графических картонов и полотен мне удалось привезти и в иммиграцию. Много картин раздарил. Почти вся графика – у старшей моей дочери. Она живет теперь

в Болгарии...

– Медицина уже в прошлом?

– Сейчас она не конкурирует с живописью. Наверное, мои интересы в рисовании терпеливо ждали своей очереди...

– И, наконец-то дождались?

– Да, если не считать еще нескольких увлечений, которые, по-видимому, всё-таки не дождутся моего внимания.

– Как я понял... Это – путешествия, филателия, фотография...

– Мои туристические страсти остановил возраст. Но теперь я могу созерцать и систематизировать тысячи фотографий,

которые мною были сделаны во время посещения тех самых 45 стран на 4-х континентах, которые мне довелось посетить. Уже здесь в США, куда я приехал все-таки в солидном возрасте – почти 60 лет, мечта поехать по стране не оставляла меня. Поначалу жить было так же трудно, как и

всем нам, иммигрантам, начинающим строить новую судьбу в незнакомой стране. Обычные заботы главы семьи, отца... Известное дело. Но я привык к трудностям и, слава Богу, справился. Зато потом, когда всё как-то установилось и отстоялось в моей иммигрантской жизни, путешествия стали возможным удовольствием.

– Ваша супруга такой же неугомонный турист, как и вы?

– Так случилось, что с моими болгарскими подругами жизни, матерями моих детей, мы расстались. Здесь, в Балтиморе, я встретил Валентину. Мне повезло! Она, как и я, оказалась лёгка на подъём. Одно из самых грандиозных путешествий, которое мы с ней совершили – поездка в Мехико-Сити на автомобиле!

– Как? Решили, сели в авто и поехали? И сколько вам было лет обоим, позвольте полюбопытствовать?

– Мне – 70, а супруге – 62.

– И... Никаких проблем?

– Привезли с собой только огромные впечатления и массу фотографий! Мы неплохо поездили и по Америке. Увидели своими глазами огромный кратер от упавшего в Аризоне метеорита. Побывали в Принстонском университете, где преподавал Альберт Эйнштейн почти 22 года. Место, где братья Райт испытали модель своего самолёта. Посетили множество музеев в Вашингтоне... Всего-то не перечислишь. Однако врать не буду – сейчас здоровье заставило путешествия отложить в сторону.

– А что взамен?

– На первом месте осталась, конечно, живопись. Манят краски, кисти...

– А сюжеты? Я вижу, вы увлекаетесь портретами выдающихся деятелей науки, культуры... Как я понял, вы их изображаете с картин, которые были написаны художниками с натуры?

Например, ваша превосходная копия портрета композитора Мусоргского, кисти Репина...

– Я считаю, что копирование классиков живописи – отличная школа! Но, если я задумал нарисовать портрет кого-то, кто не был изображён крупным художником, не беда! Есть фотографии! Ставлю перед собой фотографию, уже досконально изучив по книгам биографию и личность

персонажа. Теперь надо просто работать, чтобы удалось изобразить эту личность в красках! Так мне удалось сделать портрет русской артистки Людмилы Гурченко, балерины Майи Плисецкой, американской кинозвезды Эндрю Хэпберн...

– Вернемся ко времени вашей иммиграции в США...

– Из Болгарии пришлось бежать. К концу восьмидесятых я стал властям, как бельмо на глазу. Да и сама система социализма уже приближалась к своему краху! Мои идеи семейного планирования так раздражали партийную верхушку, что им хотелось просто заткнуть мне рот. Очень реальными стали угрозы жизни и благополучию семьи, детей. Приезжаю с семьей и детьми в США. Без денег и крыши. Нашёл работу, дети пошли учиться. Потом купил дом, машину. Начинал с простой, физически тяжёлой работы...

– Хотя возраст наверняка давал о себе знать?

– Когда надо кормить семью, об этом не думаешь. Конечно, отремонтировать дома, работать на фабрике, обслуживать больных и так далее – непросто! Зато дети, окончив школу, завершили учёбу в колледжах, получили высшее образование. Младший сын пошёл в Американскую армию. Служил в Ираке. Когда дети росли, мне удалось показать им достопримечательности Америки. Дом, где родился Марк Твен. Они же читали его книги про Тома Сойера и Гекельберри Финна... Посмотрели дом-музей, лаборатории и фабрику Томаса Эдисона, где были сделаны его главные изобретения...

Сейчас у них уже свои дети, но дать старт их любознательности мне удалось...

– И всё же не было попыток, вам, доктору медицинских наук вернуться в свою профессию здесь, в США?

– Конечно, думал... Но и с собой надо быть честным. Мои заботы были слишком хлопотными и очень ответственными. Сдавать профессиональный экзамен в моём положении не было возможности. И все же я всё-таки был здесь с медициной рядом почти 10 лет! Конечно, на элементарном уровне – давал лекарства, ухаживал за больными... Называется это здесь «медмонитор». Поработал и, как когда-то мой отец, – шофёром...

– Вы как-то упомянули, что храните несколько тысяч страниц с записями ваших африканских будней в Ливийской Джамахирии, Эфиопии...

– Наверное, мне повезло, и я получил в наследство от моих родичей такое качество характера, как любознательность. Вряд ли от природы был я терпеливым человеком, но желание тщательно изучить всё, с чем сталкивала меня судьба, помогло обрести и терпение, и сосредоточенность. Я делал записи в своих дневниках почти каждый день. Где бы я ни был, эта привычка осталась неизменной. В Африке было очень трудно! Климат, война, жуткая бедность, болезни... Я попытался осознать и запечатлеть в своих дневниках всё, что происходило вокруг меня. Не знаю, что делать с этими

африканскими дневниками. В них тысячи страниц, конечно же, на болгарском...

– Это же наверняка интереснейшие материалы!

– Пусть уж об этом позаботится моя дочь, если найдет время...

– Я посмотрел ваши альбомы с марками. Знаете, я и сам увлекался филателией, когда-то...

– Тогда вы поймёте, насколько это увлекательное занятие! Я горжусь, что в моей коллекции есть самая первая в мире почтовая марка... Часто перелистываю десятки своих альбомов... Это ведь тоже, как путешествия, только по времени и во многом уже прошлому миру...

– Вы знаете, я приготовил для вас вопрос, который меня очень занимает. Что такое в жизни человека старость?

– Старость – это неизбежный этап жизни почти каждого человека. Незначительная часть человечества завершает жизнь в 30-40 или в 50 лет. На мой взгляд, старость имеет широкие границы от 60-65 и ста лет. Если говорить о себе, то я каждый период жизни прожил плодотворно. В молодости, зрелости реализовался в профессии врача, создал семью, воспитал детей, как мне кажется, хороших людей. Теперь вижу, что за долгую жизнь я создал художественную коллекцию из многих сотен своих картин, тысяч фотографий. У меня 50 тысяч почтовых марок. Моя память переполнена впечатлениями от путешествий, которые я совершил за свою

жизнь. Всё в мире имеет начало и конец. Как говорится, такова диалектика жизни. Я не боюсь этого конца – он всё равно придёт...

– Но пока Провидение щедро отпускает вам дни и годы из своих запасов времени, можете ли вы сказать, что есть некая культура старости. Может быть, вы предпочитаете придерживаться какого-нибудь набора правил, принципов поведения, основ бытия пожилого человека?

– Наверное, какая-то культура старости и существует. Мне трудно говорить о правилах или принципах управления, например собственным интеллектом, который и в самом деле подвергается атаке в старости. Многое зависит от всей предшествующей жизни человека. Как медик я хочу подчеркнуть то обстоятельство, что многие люди, доживая до своих восьмидесяти, например, как я, лет, теряют память, качество интеллекта снижается, бывшие полезные привычки и способности притупляются... Конечно, много зависит еще и от наследства. Моя мать дожила до 101 года и обладала ясным умом. Но я помню Рональда Рейгана с его болезнью Альцгеймера. Или Маргарет Тэтчер с такими же проблемами. Анни Жирардо... Культурнейшие, интеллигентнейшие люди, к исходу жизни, лишившиеся всего, что когда-то нас всех восхищало.

– Помимо того, чтобы только признавать старость, как время деградации и утрат своего духовного,

созидательного опыта, возможно, следует все эти признаки старости предвидеть и готовиться к ней?

– Скорее всего, на этот вопрос может быть ответов и много, и разных. Часть людей, достигающих старости, теряют свою активность и творческие ресурсы. То есть они приходят к немощи, деградации. Части людей удастся сохранить в старости активность и даже умножать свой, заслуженный еще в молодости и в зрелости авторитет умных, образованных, оригинально мыслящих персон. Возьмите Уинстона Черчилля. До своих 90 лет он проявил исключительные качества государственного деятеля, который, будучи в отставке, оказывал на политический мир Западной Европы и Америки заметное влияние. Или Александр Густав Эйфель. Который в свои 62 года спроектировал и построил свою знаменитую башню в Париже, тогда и обессмертив своё имя...

**– У иммигранта-интеллектуала накапливается определенное наследство: плоды его творчества, библиотека, предметы серьезного хобби, увлечений...
Далеко не всегда наследники готовы принять и достойно этим распорядиться. Что делать интеллектуалу, уходящему в вечность перед реальностью гибели плодов своего творческого долголетия?**

– Вступая в старость, человек должен примириться с неизбежной закономерностью: всё, что существует сегодня, будет иметь логический финал назавтра... Как специалист биолог и медик я считаю, что на старость надо смотреть всего

лишь, как на биопсихологический период жизни и ничего более! Я, например, принимаю старость, как реальность. Я не боюсь её и, просыпаясь утром, думаю: «Ощущаю ноги...Руки...Голову... Значит, я жив и в этот, новый, наступивший день. Спасибо!». Чего же мне еще желать?